

Ринат Валиуллин

Кулинарная
книга

роман

АНТОЛОГИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ринат Валиуллин
Кулинарная книга

«Антология»

2014

Валиуллин Р. Р.

Кулинарная книга / Р. Р. Валиуллин — «Антология», 2014

В этой «Кулинарной книге» вы не найдете способов приготовления любимых блюд. Только рецепты отношений между мужчиной и женщиной. Насыщенные солью любви, сладостью плоти и специями души, они придают неповторимый вкус этим блюдам. Приятно удивляет их подача и сервировка. Роман придется по душе всем, кто любит вкусно почитать.

© Валиуллин Р. Р., 2014

© Антология, 2014

Содержание

Часть I	6
Чебуреки	7
Голубцы	10
Персиковый джем	13
Гриль	16
Торт Захер	18
Отбивные	19
Блины	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ринат Валиуллин

Кулинарная книга

В оформлении издания использованы картины и графика Рината Валиуллина «Испанская кухня», «Девственность», «Гурманы» и «Карта вин».

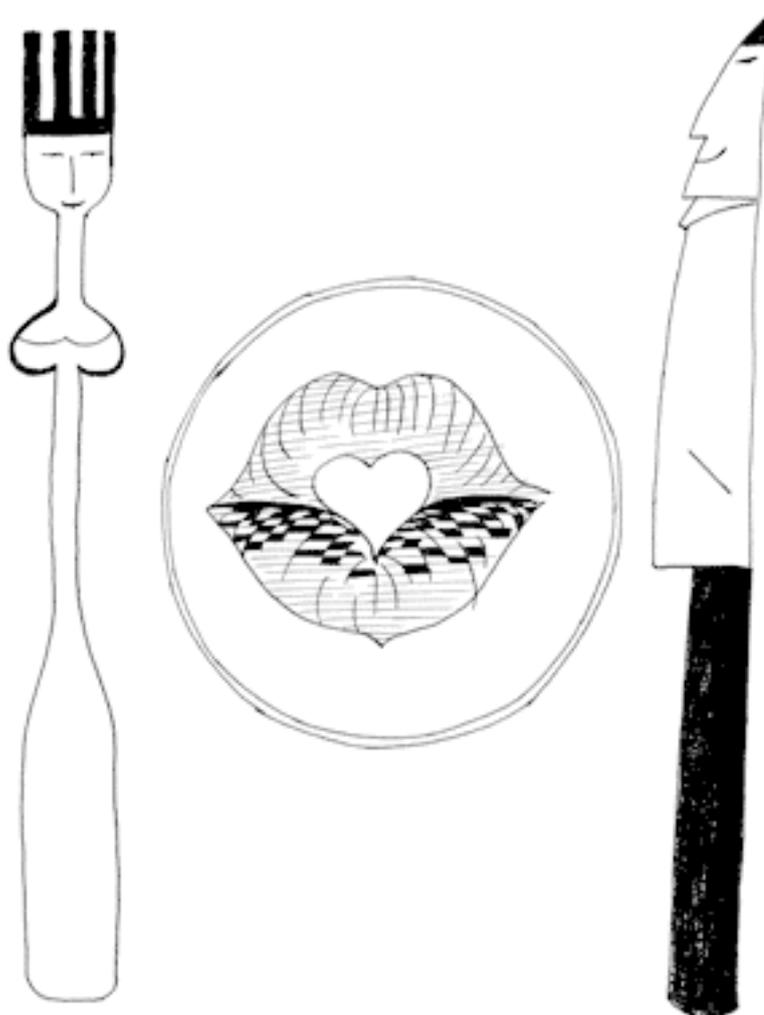
Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Валиуллин Р. Р., 2014

© ООО «Антология», 2014

Часть I

Я хотела бы повеситься на твоей шее

Чебуреки

– Зачем ты меня целуешь, если не хочешь?

– А если хочу?

– Тогда можно без поцелуев.

Красивая голая спина белела статуей на фоне желтых обоев, женщина мыла посуду. Заниматься любовью не хотелось. Поцеловав ее сзади в шею напоследок, я сел за стол и принялся наблюдать, как она работает.

Жена. «Неужели она создана только для этого?» – холодно подумал я, может от того, что ноги мои подмерзли, а тапочки я так и не нашел. Сидел за столом в одних шортах, в руках кусок сыра. В задумчивости крошил его на пол. Тапочки не выходили, но вышли тараканы мыслей, однако писать было не на чем, на глаза попала толстая тетрадь с рецептами блюд, я ее распахнул, и первое, на что наткнулся, была надпись «Чебуреки». Через минуту я узнал, что нужно для их приготовления: кефир, мука, масло, сода, соль и фарш. Перевернул тетрадь, чтобы начать писать с другой стороны, с чистой страницы. Если бы жизнь так же перевернуть и начать с чистого листа, пока ты еще не стал чебуреком. А может быть, уже стал? Я снова посмотрел на чудную белую спинку, на которой женился и которая уже выключила воду и повернулась:

– Ты опять накрошил.

– У тебя красивая спина, – сделал я ход конем.

– Сыр на полу, а я мыла утром.

– Извини, пытался выманить тапочки.

– Они в коридоре, – не смягчилась от шутки жена.

– Значит, сыр был напрасным.

Жена вздохнула мокрыми руками о полотенце:

– Чай пить будешь?

– Когда я от чая отказывался? – поднял с пола крошки, снова собираясь стать хорошим, неизвестно зачем. Там, где меня и так любили, просто за то что я есть.

– Может, чебуреки вечером сделаем? – выронил я ненароком.

– А ты мясо купил?

– Могу предложить свое, – напряг бицепс.

Я представил, как часть за частью закладываю в мясорубку беспокойные фрагменты своего тела. Жуть. Чем-то похоже на любовь, на секс.

– Не пойдет, будет горчить от негодования, – заварила чай супруга. Я продолжил читать рецепт. «Потом смешиваем муку, соль и кефир, месим до получения однородной массы и даем отстояться. Далее надо разрезать тесто на равные части, размером с крупное куриное яйцо, и раскатать их на лепешки». Вот и в жизни, когда ты доходишь до состояния однородной массы и уже не можешь себе позволить... Позволить мечтать, гонишь эту мечту, как шлюху: «Пошла на х... отсюда, от тебя одни неприятности и убытки», понимая, что ты – катыш теста, ты начинаешь разрываться на куски, разбиваться в лепешку, лишь бы выбраться из этой неизбежности. Но поздно, потому что вместо тела уже фарш. То, что мы обычно называем плотью, которая уже кручена-перекручена, с луком и стрелами, со специями и солью, лежит на диване и смотрит телик. Фарш любит диваны.

Далее следовало выложить фарш на одной половине раскатанного теста и накрыть другой. Потом края слепляются, и можно отправлять полуфабрикат в кипящее масло. Через пять минут его надо перевернуть, еще через пять чебурек готов.

Я вспомнил свой последний отпуск на берег моря. Нигде так не отпускает, как в отпуске, это как отпуск грехов. Нигде больше не хочется так грешить, как на отдыхе. Каждый полуфаб-

рикат раз в год обязан съездить куда-нибудь далеко, чтобы полежать на горячей сковородке пляжа пять дней на спине, пять – на животе и поджариться как следует, приобрести цвет побед. Через десять дней чебурек готов.

Удивляясь такому случайному совпадению и своему близкому родству с чебуреком, я инстинктивно крутил в руках кусок сыра, пока наконец не засунул два пальца в его желтые дырки, как штепсель в розетку. Ничто так не привлекает мужчину, как отверстия, возможно оттого, что когда-то он с трудом выбрался из одного из них, чтобы потом всю жизнь посвятить возвращению. Домой, в норку, к кормушке, где тепло, где ждут, где ласкают.

– Ты что делаешь? – воскликнула с тревогой жена. – Он же задохнется.

Я достал пальцы и понюхал.

– По-моему, у него гайморит.

– Вскрытие покажет, – хладнокровно взяла сыр из моих рук жена и разрешила на тонкие дырявые пластыри. Потом приклеила один из них к хлебу с маслом и протянула мне. Я откусил, все еще мечтая о чебуреках. Трудно есть бутерброд с сыром, когда думаешь о чебуреках.

– Еще? – Она уже стелила масло на другой.

– Что-то не хочется, – откусил я и положил на тарелку. – Может сделаешь сегодня чебуреки? Мясо я куплю.

– У меня цыпленок размораживается, – кивнула она на тарелку у раковины.

– Они начали убивать птенцов, эти птицефабриканты. А из него не получится? – кивнул я на дичь.

– Ты мне предлагаешь его откормить?

– Ладно, курица так курица. Хотя две курицы на одной кухне – это уже перебор.

– Что ты сказал?

– Девушка, вы прекрасны, – положил я руку на ее бедро.

– Вас это не касается, – легонько хлопнула Фортуна своей ладонью мою.

– Мяса, говорю, хочется, хочется мяса! Какой сегодня день недели? Пятница? Как быстро летит время, недавно только был понедельник, а завтра уже суббота. Я совсем не чувствую жизни, она просачивается сквозь пальцы где-то между кухней и спальней, работой и телевизором.

– Ты слишком много смотришь в экран, больше чем на меня, – подлила себе чаю жена.

– Глаза все время ищут новостей, а ты неизменна. Даже не стареешь, – уставился я на нее.

– Это уже похоже на комплимент, – улыбнулась Фортуна первый раз за утро.

Жену звали Фортуной. Жениться на ней можно было только за одно это имя, если тебе не фартило всю предыдущую жизнь.

– Как долго ты сможешь на меня смотреть?

– Пока не отвернешься.

– Я так и знала, что тебя привлекают совсем не глаза.

– Даже красивые глаза надо дозировать, – бросил я, покидая стол в надежде найти тапочки в коридоре. – Вот зараза!

– Что еще?

– Твои туфли залезли на мои тапочки и уже размножаются! Ты посмотри, какие плодови-тые. Откуда у нас столько обуви? – швырнул я ей из коридора, разглядывая незнакомую обувь.

– К нам же гости приехали, еще в среду.

– Родственники?

– Не совсем.

– А я их знаю?

– Нет, даже я их видела всего один раз. Звонила тетушка Сара, это ее сын с женой, про-сила принять на несколько дней.

– Мало нам своих детей, – пробурчал я себе в нос. Они здесь уже живут, а я даже ни ухом, ни рылом. – Вот так черте с кем жизнь и проходит.

– Ты же в Москве в это время был.

– Они к нам надолго?

– Не знаю, спрашивать как-то неудобно. Спят еще, так что ты потише выступай.

– А что я такого сказал? Только то, что родственники меня уже достали, так они же нам еще и не родственники, вообще непонятно что.

В этот момент заплакал телефон. Трубка лежала на кухне, и подошла жена. Судя по ее удивленным репликам, случилось нечто невероятное.

– Неужели апокалипсис? – вошел я уже в тапочках.

– Хуже. Бред какой-то! Звонили из полиции, сказали, что сын наш пнул полицейского при исполнении, и нужно немедленно ехать за ним в участок.

– Растет сынок.

– Растет как сорняк. Это все твоё воспитание. Точнее, его отсутствие.

– Где он нашел полицейского в такую рань? И главное – за что? В десять лет я не был таким кровожадным. Наверное, очередная дурацкая игра с желаниями. Кто пнет полицейского или кто ущипнет учительницу.

– Нет, он перебежал дорогу в непопозволенном месте. Тот остановил его и начал читать мораль, а наш попытался улизнуть.

– Значит, ничего личного. Съездишь, они женщин больше любят.

– Чужих женщин всегда любят больше.

Жена довольно быстро оделась, я с ней потанцевал немного в коридоре, прощаясь, и добавил нежно:

– Мусор выкинь заодно.

Она любила прощаться губами. Не поцелуешь человека перед выходом, потом он целый день будет искать настроение. Так и стояла с мусорным пакетом в одной руке, с сумочкой в другой, а я ее целовал. Жуткое зрелище. И тут еще зашевелились гости. Дверь их комнаты смотрела в упор на входную. Она тихо отворилась, и из нее вывалился мужчина, поморщился как-то снисходительно, а может, он так улыбался с утра. Зачем улыбаться, если не умеешь. За ним женщина вздохнула чем-то несвежим: «Здрасьте». Мы в обнимку с мусором молча наблюдали, как два халата прошелестели в ванную.

– Что-то они совсем на детей не похожи, – сказал я на ухо жене.

– Так тете Саре уже семьдесят, это же ее дети.

– Чужие дети не только быстро растут, но и быстро стареют, – снова подумал я о чебу-реках.

– Ну, пока, не шали там, в участке, – подбодрил я Фортуна, чтобы она не была так грустна. Нет ничего ужасней грустной фортуны.

Пошел на кухню, где обнаружил на столе распахнутой кулинарную книгу, в которую я хотел что-то записать, но так и не успел.

Голубцы

Скоро показались гости. Опухшие от поцелуев ночи, стеснительные и теплые.

– Макс, – протянул я руку мужчине.

– Альберт.

– Белла, – поправляя невоспитанную челку, застряла на букве «л» его жена.

– Чай пьете черный или зеленый? Или кофе?

– Нам все равно, но лучше черный, – усаживался за круглый стол Альберт, Белла положила свои гладкие бедра с ним рядом.

– Ну, как вам город? Куда сходили? – залил я кипятком чайник.

– Вчера в Эрмитаже были, устали от такого нашествия искусства, – внимательно изучал сахарницу, стоящую на столе, Альберт.

– Его надо принимать дозировано, по чайной ложке, – застелил я скатерть белыми чашками.

– Похоже, у нас уже передозировка, – взяв сахарницу в руки, рассуждал гость.

– Это бывает, надо сделать паузу, – лил я воду в прямом и переносном смысле, наполняя посуду. Чай слишком слабый напиток, чтобы найти общий язык с незнакомыми людьми.

– У нас очень мало времени, чтобы делать паузы, через три дня уезжаем. На сегодня запланирована Кунсткамера, – Альберт зачерпнул ложкой сахар. – Не подскажите, как нам до нее добраться?

– Конечно, подскажу. У вас есть карта города? – посмотрел я на едва прикрытую грудь его жены и представил, что карта начертана именно там, и сейчас на ней мы будем кропотливо искать нужную точку, пункт назначения, проходя мимо куполов Исаакиевского и Казанского соборов.

– Да, мы купили, – насладившись, оставил сахарницу в покое Альберт и посмотрел на жену.

«Насладившись, мы вновь возвращаемся к женам, как это по-семейному», – подумал я про себя.

– А чем вы занимаетесь в жизни? – сложил я воображаемую карту и посмотрел в глаза Белле. Утро уходило с ее лица, и она начала расцветать, как майская роза в вазе своего очарования.

– Она ставит опыты на мышах, – забыв про сахар, опередил Беллу ее муж.

– Опыты? Интересно. А что за опыты? – откусил я бутерброд с ветчиной.

– Я изучаю развитие цирроза в клетках печени мышей. Поскольку печень наша и мышьяная имеют одинаковое строение, – откусила маленький глоток чая Белла и осторожно вернула чашку на стол.

Я сразу подумал о своей печени, – она, услышав о циррозе, проснулась и забеспокоилась под ребрами.

– Вы их спаиваете, а потом изучаете? – отложил я бутерброд.

– Обеспечивать их алкоголем слишком долго и дорого, – посмотрела на мужа Белла. – Мы им вводим специальные препараты, ускоряющие процесс, – нашла она на столе руку мужа и присвоила.

– Обеспечивать... то есть оставлять без печени. Значит, вы не боитесь мышей? – повторно заправил я всем чашки чаем.

– Меньше, чем компьютерных, – снова посмотрела она на своего мужа, который улыбнулся и задвигался. Видимо, слаб он был не только на вино, но и на виртуальную связь.

Алкоголь и Интернет, вроде ничего общего, но одинаково паразитируют на желании общаться.

– Ну да, с ними не совладать даже циррозу, – вонзил я нож в свежий хрустящий багет. Крошки хлеба, словно опилки, разлетались по столу. – Кстати, вы их не используете в качестве подопытных? – представил я связку компьютерных мышей в клетке, зараженных какой-нибудь инфекцией.

– Мы с компьютерными вирусами не работаем, но я подумаю над вашим предложением, у каждой сумасшедшей мысли есть право на гениальность, – сделала она глоток и зажмурила глаза, не то от мужа, не то от кипятка.

– Вы футбол смотрите? – неожиданно сделал подножку нашему диалогу Альберт, обращаясь ко мне.

– Футбол? Конечно, – встал я и отряхнулся.

– Не знаете, как вчера сыграла наша сборная? – попросил он прощения.

– Сейчас узнаем, – громко кашлянул, прикрыв рот ладонью. Тут же мне ответил кашель из-за стены. Потом еще один. – Слышали? – посмотрел я на Альберта, который положил в рот, как в мышеловку, кусок сыра.

– Что именно? – начал он жевать.

– Счет, наши проиграли, кашель слышали? Резкий такой, будто с матом, – снова кашлянул я в благодарность соседу.

– По-моему, 2:0, – рассмеялась крупным жемчугом Белла.

– Ночью я слышал мужской недовольный кашель и женский тихий, словно болит голова, – встал я из-за стола, чтобы посмотреть в окно: почему же симпатичная жена друга или знакомого вызывает такое желание? Что это? Соревновательный дух, или просто ты ей больше доверяешь, чем незнакомке? А если она в данный момент испытывает те же чувства, то я мог бы сейчас предложить Альберту: «Может, ты прогуляешься один по этому прекрасному городу, пока я – по телу твоей супруги?».

– Надо кашлять скромнее, Альберт, – снова засмеялась Белла, и ее грудь еще больше обнажилась, увидел я в прозрачное отражение окна.

В этот момент сосед раскашлялся не на шутку.

– Что теперь? – застыл с ложкой в руке Альберт.

– Он прокашлялся, что вчера переспал с моей женой и ему понравилось, – развернулся я к парочке, облокотившись на подоконник.

– И вы так спокойно об этом говорите? – опешила Белла.

– Я уже привык, – снова я качался на волнах ее синих зрачков.

– Черт, ну и семейка! Мама мне говорила, что вы со странностями, но я не предполагал, что... – начал рисовать что-то невнятное ложкой на скатерти Альберт, так и не закончив фразу. Будто он решил ее дописать.

– Некоторые отношения строятся на скандалах, некоторые разрушаются от идиллии. У вас какой вариант? – выкинуло меня очередной волной на берег ее декольте.

Супруги взглянули друг на друга недоверчиво, как будто им только что по громкой связи озвучили то, о чем они подумали.

– Даже не знаю, но с соседями мы точно не спим, – выронил из рук ложку Альберт.

– Зато слишком много кашляете, – рассмеялся я, а вслед за мной и Белла. Последним был Альберт. До него доходило медленно: он сидел дальше всех.

– То, что хозяин встал, не значит ли, что гостям пора уходить? – поправила блузку Белла.

– Не значит, хотя мне уже скоро на работу. Но у вас же есть ключи? – оторвался я от «окна», которое только что прикрыла Белла. Она поставила на стол пустую чашку, словно точку в моем непристойном предложении.

– Да, мы закроем сами, нам Фортуна все объяснила. – Альберт соорудил себе еще один бутерброд.

Чем больше нравится женщина, тем сильнее неприязнь к ее спутнику. Желание отобрать, присвоить, хотя бы на время, велико, и надо уметь его гасить. Я умел.

– Ну, тогда я пойду, привет сокамерникам и всем тем, кто в пробирках, – оставил без внимания, без прощального взгляда замужнюю женщину, чтобы показаться как можно более независимым.

Персиковый джем

Голая жена сидела на кухне с сочным персиком в руке, сок стекал по ее багровым губам, по длинной шее, к высокой груди, пощипывая весной на сосках, а сытость не приходила. На полу валялись большие косточки. Другой рукой Фортуна брала их, шершавые и скользкие, они все время норовили ускользнуть. Она нажимала, те вылетали из пальцев, снарядами пытались пробить пуленепробиваемое стекло одиночества.

– Что ты творишь, Фортуна? – опешил я от такой панорамы.

– Плевать. Просто захотелось плевать косточками. Иногда так хочется делать что-нибудь нелогичное, нелепое, чтобы выбраться из дома, из дома быта. Есть шанс, что кто-то вспомнит о твоём существовании.

– Я же тебя люблю, – подошел и обнял ее голову, волосы пахли фруктами. Поцеловал их.

– Мне твоя любовь даром не нужна.

– А за деньги?

– Я подумаю, но прежде ответь мне. Почему ты так часто говоришь «я тебя люблю»?

– Потому что мне больше нечего сказать.

Вот не хочешь, а целуешь, не любишь сейчас, в данную минуту, а признаешься в любви, и никакой совести не просыпается. Просто говоришь то, что человек хочет от тебя услышать, или тебе кажется, что он хочет это услышать. Возможно, и она меня не любит, но тоже целует. Жизнь проходит, пока мы целуем не тех, – в задумчивости откусил я сладкий персик, глубоко войдя в его плоть, откуда на меня, из самого сердца, изогнулся бледно-белый червяк. «Действительно, – подумал я, глядя на него, – может, то, что мы называем любовью, – есть ее отсутствие, ее след».

Скоро в руке у меня осталась только косточка, рельефная и волосатая, я нажал на курок, пуля попала коту в голову. «Контрольный», – подумал про себя. Он зверски мякнул и убежал.

– Макс, не будь идиотом.

– А кем я еще могу быть рядом с такой красотой, – обнял я жену.

– Ты же его без мозгов оставишь, – с укоризной прожевала жена. Освободилась из моих объятий и вышла из кухни.

– Чувствуешь во мне великого охотника? Точно в яблочко, – перезарядил я ружье и стрельнул Фортуне в след.

– Оставить без мозгов того, кого не хочешь, как это по-мужски, – ответила она из прихожей. – А что это ты притащил?

– Это гитара, давно хотел научиться играть.

– Сначала фотоаппарат, потом клавиши, теперь вот гитара – все это нереализованные в детстве творческие порывы, которые мужчина пытается осуществить на скорую руку. Они же, как и все, требуют времени, внимания. Ты все еще считаешь, что и гитару, и женщину можно приручить за несколько дней?

– Нет, на тебя ушли годы. Потерпи еще чуть-чуть и счастье нам обеспечено.

– Я столько не вынесу.

– Я тебе помогу, если его будет много.

– Чем ты мне сможешь помочь? Своей музыкой?

– Меня тянет к искусству.

– Да не к искусству, а к искусственному. Игрушек тебе не хватило в детстве, – громко разливался ее журчащий голос по коридору.

– К сожалению, классики уже вычерпали всю возможную гармонию из семи нот. Какой металл после Баха, какая психоделика после Моцарта, какой панк-рок после Грига? Сплошные ремиксы. В этом отношении писателям повезло больше, так как язык постоянно извора-

чивается, плюется, формируется, переводит, облизывает, сосет, цепляет, меняется, как климат, устанавливая погоду или дома, или на службе... или непогоду, – споткнувшись о паузу, задумчиво произнес я и добавил:

– В отличие от музыки, которую можно просто слушать, язык заставляет нас общаться, всех до единого. И чем больше ты знаешь языков, тем легче найти собеседника.

– Разве важно, на каком языке мы будем общаться, на английском, на китайском, на языке любви, секса. Посредством подарков, жестов или битой посуды... На языке взглядов, ласки, грубости... Главное, чтобы для нас обоих этот язык был родным.

– После твоего, для меня, все языки иностранные.

– Вот и напиши об этом.

– Ты предлагаешь мне литературой заняться? Я думал когда-нибудь стать писателем, – начал собирать косточки с пола.

– Нет, тебе не надо, просто рассуждаю. Чем больше хочешь стать кем-то, тем труднее оставаться собой, – отвечала мне жена уже из глубины спальни.

– А что, написать о себе роман или повесть.

– Думаешь, это будет кому-то интересно, кроме меня?

– Я согласен писать для тебя.

– Это разрушит мои мечты.

– Какие мечты?

– Оставаться неписаной красотой. Если серьезно, то многое из того, что мы создаем, уже есть, а то, что пытаемся разрушить, – не существует вовсе.

– Ну, а как же смысл жизни? Если он существует.

– Смысл есть только в том, что завтра нас может не быть.

– Вот и я говорю, что надо как следует наследить, раз уж ты здесь, – нашел я под столом еще одну косточку. – Откуда так краской несет? – выкинул косточки в мусор и направился в прихожую, где оставил пакет с продуктами.

– Новый лак испытываю, нравится? – Фортуна вышла из комнаты и протянула мне свою тонкую, но сильную ладонь, выпустив из нее шипы длинных пальцев с красными клавишами ногтей.

– Вот видишь, и тебя тоже к искусству тянет. Женщинам не хватает красок в жизни. Если они не находят художника, который будет их всю жизнь рисовать, то они начинают рисоваться сами, – поцеловал я ее руку со средневековым изяществом.

– Вы так любезны, – томно засияла она.

– Но запах меня угнетает, – вложил я ей в руку пакет с продуктами.

– Откуда это повелось, приносить даме вместо цветов продукты? – приняла она мои дары.

– Из магазина. А ты чего такая холодная сегодня? – взял я ее за руку.

– Я хотела сегодня приготовить рыбу, открыла морозилку, и вдруг мне показалось, что я и есть та самая рыба, одинокая и холодная. Представляешь, как я достаю сама себя.

– А потом достаешь меня. В этом ты мастер.

– Ты ничего не понял. Любви мне недостает, – забрала Фортуна свою ладонь и направилась на кухню. Я пошел вслед за ней.

– Любви никогда недостает, как бы она уже ни достала. Я имею в виду, почему ты ко мне такая холодная? – пытался найти ее глаза, которые бегали от меня по полкам, раскладывая продукты.

Наконец пакет был исчерпан, она бросила его, обессилевшего, на стул, но он настолько обессилел, что не удержался и слетел вниз, тихо и без последствий, как иная пропащая душа. Судьба его предрешена, через несколько дней мы вновь придадим ему форму, наполнив мусором, и выбросим.

– Счастья какого-то не хватает, то ли тебя мало, то ли меня слишком много, не могу понять. Настроение мрачное, даже от погоды не зависит, – остановила она бесконечный бег своих зрачков, глядя на меня.

– Даже когда солнце? – Я взял с подоконника старую газету, чтобы завернуть туда свои глаза.

– Прежде нужно, чтобы меня любили, а потом уже солнце и прочие светила, – бросилась она в окно всем своим видом, будто собиралась исчезнуть как вид.

– А моей любви тебе недостаточно?

– Да где она? Меня не покидает ощущение, что ты никого не способен любить как следует.

– А как следует?

– Хотя бы как я тебя.

– Давай чаю выпьем... И все пройдет, – скомкал газету и отправил вслед за косточками.

– Думаешь, обычная летняя депрессия? – поставила она на огонь чайник и открыла буфет, чтобы достать чашки.

– Конечно, у меня тоже такое бывает, только по ночам. Лежу рядом с тобой и думаю: зачем живу, зачем лежу, потом обниму тебя, возьму в руки грудь или бедро, и сразу легче становится. Не зря.

– Я понимаю, что женщинам никогда не будет хватать мужчин и наоборот. Даже если у них все схвачено. Может, поэтому у меня возникает такое впечатление, что ты не со мной, со мной только твое тело, знакомое, но уже бесстрастное, вялое и ленивое. Мне все время приходится тебя тормозить на подвиги, – Фортуна вытащила из буфета, помимо чашек, вазу с конфетами и печеньем.

– Женщине мало подвигов, ей нужны преступления.

– Вот именно, а если нет ни тех, ни других?

– Тогда вся надежда на любовь.

– Возможно, любовь и делает людей ограниченными. Сначала они начинают себя ограничивать в друзьях, в общении, во внешнем мире, потом в самом себе. В конце концов – даже в сексе.

– Но ведь оргазмировать все время невозможно. И это может надоест, – чувствовал я, как кот под столом играет с моей ногой. – И это может войти в привычку.

– Я бы хотела иметь такую.

– Скорее всего, она уже у нас есть. Мы знаем, где скрипнет кровать, как, когда и с кем. Ты знаешь всю мою подноготную, – посмотрел я на свои ногти и заметил под одним какую-то грязь.

– А мне все чаще кажется, что я совсем тебя не знаю, – насыпала заварки и залила она маленький чайник кипятком.

– Нет, это я себя не знаю, а ты меня знаешь прекрасно, я же как на ладони, – попытался я вытащить грязь другим ногтем.

– Никто не знает тебя настолько, насколько ты сам себя не знаешь. Чем больше я с тобой живу, тем больше мне кажется, что я одинокая лесбиянка, – села за стол Фортуна.

Гриль

Я снова зашел на кухню, на столе лежала пачка с печеньем, взял, понюхал, сладкий запах ванилина разбил мне нос: «Ну и дрянь, как это можно есть?» – достал я одну и откусил. Включил телик, на экране бились двое. Один в позе миссионера выравнял лицо того, что был под ним. Оба устали, судья наклонился, потом встал на колени, чтобы лучше разглядеть степень трудоспособности лежащего снизу. Было видно, что рефери бокс заводит, где-то рядом уже маячил оргазм. «Мясо, так мясо», – достал я из холодильника кусок говядины. Налил на сковороду масла и кинул туда филе. Оно пыталось сопротивляться и фыркало, словно женщина, брошенная на койку нелюбимым, но сильным.

Закончился пятый раунд, пошла реклама, и я променял двух в трусах на одного в черном фраке за роялем. Он был похож на дрессировщика, который дразнил незнакомого хищника: то совал ему руки в пасть и бился головой от боли, то успевал отдернуть, но лицо его выражало страдания ничуть не меньше, чем у тех боксеров. Он играл Рахманинова, мясо шкворчало, однако не попадало в такт музыке, я убавил огонь и прикрыл сковородку крышкой. В дверь позвонили. Это была жена, она вошла спокойная и рассудительная: «Привет».

– Привет, – принял я у нее пакет с чем-то. – Как дела? – помог ей снять пальто.

– Все хорошо, устала, как у тебя?

– Извините, номерков больше нету, но я вас запомню! Вас трудно не запомнить, – поцеловал Фортуна в шею. – Пахнешь хорошо, мужчиной, – оторвал я лицо от ее груди.

– Ты начал замечать, чем я пахну, – соскоблила с себя туфли Фортуна и подошла к зеркалу.

– С кем ты была, признавайся? Я не шучу, – повесил я пальто и встал между ней и ее отражением.

– Ну, хватит, Отелло, – положила она свои руки мне на шею и обняла. – Я страшно голодна.

– Тогда сразу в спальню? – Я тоже почувствовал голод.

– В смысле я хочу есть, запах жареного мяса разбил мне сердце во второй раз, – прошла она в ванную.

– А когда был первый?

Шум бегущей воды унес мой вопрос.

– Что за блюдо ты приготовил? – выключила воду.

– Мясо на двоих, – погасил конфорку.

Через несколько минут, милая и вечерняя, вошла Фортуна. Она сразу засунула нос под крышку и закрыла глаза от радости: «Какое счастье, что я не вегетарианка».

Я достал из холодильника бутылку красного и откупорил.

– А что за праздник сегодня? – приготовила бокалы жена.

– День мяса, – разлил я красную жидкость по формам.

– Заело тебя на этом мясе? Давай что-нибудь поинтереснее.

– День независимости мяса.

– Сегодня, кстати, день рождения одного известного поэта. Знаешь, о ком я? – подняла руку со стеклом Фортуна.

– Догадываюсь. Давай без мертвых как-нибудь, а то мне кажется, что нас уже здесь трое, – коснулись берега наших бокалов.

– Раньше ты любил его стихи, даже цитировал мне.

– Какой бы крепкой ни была любовь, на троих не сообразить, – наполнил я свой рот вином.

– Я, ты и жареная корова, – предложила альтернативу жена и тоже сделала глоток. – Куда сегодня наши гости ходили? – поставила на стол она свой бокал.

– В Кунсткамере были, сказали, что хотят пораньше лечь спать, – вытянул я ноги под стол и откинулся спиной на кухонный уголок, не выпуская из рук вино.

* * *

– Как они тебе показались? – обняла меня Фортуна. – Что-то они холодно стали со мной общаться. Ей-богу, как полуфабрикаты.

– Гости как гости, уже надоели. Может, это из-за того, что я им сказал, что ты спишь с соседом, – утонул я в шелках ее волос.

– Вот идиот. Зачем? Не мог соврать что-нибудь? – положила руку мне на живот жена и улыбнулась.

– Хочу, чтобы быстрее уехали, – разглаживал я ее волосы. Как-то нехорошо они влияют на наш сексуальный климат, – вспомнил я купола Беллы.

– Значит это у нас акклиматизация, а не у них, – грела своей щекой мою грудь Фортуна.

– Ты знаешь, что Белла мышами занимается? – чувствовал я ее горячее дыхание.

– Да, у нее даже с собой есть несколько, – подняла она голову и посмотрела на меня как на кота, который должен их поймать.

– Том, – перевел я радостно стрелки, – тебе Джеррей из Москвы привезли.

Комок шерсти вздрогнул в глубине кресла и подал звук.

– Не рычи, дичь в соседней комнате, и на ней ставят опыты, – вздохнула Фортуна.

– Думаю, ему не понравится. Он же никогда не имел дела с живыми мышами, – погасил я настольную лампу и обнял жену сзади.

За стеной была слышна возня от любовных прелюдий. Трудно спать, когда за стеной кто-то занимается любовью. Это тоже надо уметь переспать.

– Мыши? – поцеловал я жену. – Постучать им?

– Не надо, еще подумают, что мы завидуем. У тебя есть чем ответить? – повернулась ко мне спина.

– Обижает, – положил я ее руку себе на член, и он медленно начал твердеть.

– Ого! – воскликнула она.

– Если вы встретили в своей постели мужчину, не пугайтесь, возможно, эта встреча не случайна.

Торт Захер

Я вышел на балкон. Было довольно прохладно, захотелось даже что-нибудь накинуть, например, чьи-нибудь объятия. Но они остались где-то в спальне. Возвращаться не хотелось, к тому же придется будить.

Холодно. Жизнь – как насилие над самим собой, к нему привыкаешь. Кому-то кажется, что оно даже способно приносить удовольствие, но мы не удовлетворены на все сто, даже на семьдесят, и не будем, иначе не были бы людьми. Какой-то мелочи не хватает, огромной мелочи, величиной с серебряную монету в ночном небе. Я бросаю в лицо луне окурков, не попадая, он остается мерцать в пепелище угасающих точек. Посмотрел на часы: поздно. Поздно смотреть на звезды. Взгляд перебирается на огни менее претенциозные, бытовые. Кто-то еще не спит в домах напротив – луноходы. Гулкие одинокие тени асфальта: кого-то еще по улицам носит – недоноски, по самому дну колодца вымершего двора – подонки. И я слоняюсь одним из них, из угла в угол – слон-уголовник. Таких не берут в зоопарк, буду гнить в одиночной камере космоса.

Закурил еще одну и увидел напротив, в соседнем доме, еще одного лунохода. Он тоже курил. Мне показалось, что он видит меня. Это мне не понравилось, я выбросил окурков вниз и зашел обратно в тепло. Взял кулинарную книгу и открыл, выпал торт Захер. Я записал:

Судьба Прохора была среднестатистична и пятидневна: жена, телевизор, работа. Жизнь. Задолбала. Долбала и жена своей любовью. Она вместе с жизнью стала уже чем-то единым, опостылевшим, родным и необходимым.

Юным Прохора трудно было назвать, ночи его стали беспокойнее и длиннее, гораздо длиннее тех, что в молодости, когда достаточно было закрыть глаза, чтобы скоро увидеть утро. Лицо обветрилось временем и помрачнело от вредных привычек, позвоночник просел, желудок растянулся и выкатился. По ночам не спалось, он выходил на балкон и много курил, кидая окурки в пепельницу неба, где они замирали, тлея мерцающими огоньками. Никого, только он и полное бледности, испитое, с синяками лицо луны. В сумерках души напрашивался лай. Прохор не любил тишину, потому что она особенно явно давала ему ощутить, как что-то упрямо возилось в хворосте его ребер и пыталось выбраться наружу. Сердце шалило. Его стало много, и оно требовало расширения жилища. Он же, будучи человеком неорганизованным, но тщеславным, не знал, как его успокоить, пил. «За хер я ел этот торт после всего, теперь весь в сомнениях: себе оставить или наружу. За хер вообще мне такая жизнь», – думал он, не представляя, как бы ее, жизнь, сделать более осознанной и творческой. Выйдешь на балкон ночью, закуришь, посмотришь на небо. Оно чистое и звездное, только луна затылком. Она равнодушна к вредным привычкам, вот если бы вместо луны было влагалитце, одинокое и недосыгаемое, как звезда, меньше было бы ревности, скандалов, измен, самоубийств, вышел бы перед сном, вздрочнул и спать.

Отбивные

- Вчера смотрел бокс, – закурил я сигарету и бросил пачку на стол.
- Ну и что? Ты же знаешь, что я не люблю бокс, но еще больше, когда ты куришь на кухне, – достала она себе из той же пачки.
- Бой был забавный, то прыгали, то обнимались, то один сверху, то другой. Я подумал, что это очень похоже на нашу жизнь, если ее сжать до пятнадцати минут этого боя, – дал я ей прикурить.
- Ну, мы, по крайней мере, не деремся, так, легкие пинки в область души, – выпустила Фортуна ненастье дыма.
- Боремся со своим одиночеством.
- Некоторые борются с одиночеством размножением.
- Если ты про боксеров, то я не досмотрел, чем кончилось, иначе бы мясо сгорело, – улыбнулся я, доставая тарелки.
- Нет ничего сексуальнее запаха жареного мяса.
- Есть... Ты, – попытался я положить на тарелку котлету, но она выскользнула на плиту.
- Черт, они нас не любят, – удалось мне ее уложить со второй попытки.
- Кто?
- Котлеты.
- За что им любить нас, когда мы друг друга так сильно. К тому же мы их скоро съедим, а потом из зубов выковыривать будем остатки чьей-то заблудшей души.
- Мы начали резать и жевать мясо, запивая красным вином. Все слова куда-то исчезли вдруг, будто у них тоже пришло время обеда.
- Что ты замолчала?
- О чем говорить, когда и так вкусно?
- Если тебе не о чем говорить, значит, ты недостаточно откровенна.
- Ладно, представь, что мы в кафе и только что познакомились.
- Я официант или шеф-повар?
- Вы – как хороший коктейль, – отхлебнула она из стекла. – Сколько не пей, хочется повторить.
- Вы – как немое кино 30-х, непонятное, искреннее, – крутил я в руках вилку. – Разговорить вас трудно.
- Я расхожусь после третьего, – посмотрела она пронзительно и осушила свой бокал.
- А это какой? – наполнил ей снова. Фортуна промолчала.
- Меня не напугать, – достал я сигарету и прикурил.
- Меня не остановить, – сделала она глубокий глоток.
- Вы – как фигура в Эрмитаже, из мрамора, созданная во имя... – губы мои нарисовали ее имя в воздухе. – Шедевр, вас не утащить!
- Вы довольно смелы, – отодвинула она от себя стеклянную пустоту.
- Вы тоже, я хочу быть вашим поводом напиться, – налил еще ей и себе.
- Я наблюдала за вами и выделила из толпы, – повела она изумрудно кругом.
- Вы хищница, – не заметил я, как она расправилась с мясом.
- С некоторых пор жертвой быть легче, но не так интересно, – улыбнулась она жемчужно и широко. – А вы хищник, у вас было много женщин.
- У вас не было настоящих мужчин.
- Вся надежда на этот вечер, – оторвала она от стола красное и сделала еще глоток.
- Не люблю это слово, оно похоже на проститутку, – я прикончил свой.
- Значит, я не ошиблась.

- Значит, готовы?
- То, что я готова, еще не значит, что съедобна.
- Сейчас попробую, – приблизил я к себе жену и поцеловал в жирные жаркие губы.
- Чем займемся? – спросила она после долгого поцелуя.
- Как чем? Любовью.
- А что, больше нечем?
- Больше не с кем.

Блины

– Мы можем позавтракать без компьютера? Ты думаешь, мне приятно печь блины, когда ты сидишь там, общаешься черте с кем?

– Опять блины с дерьмом. Такое прекрасное утро, зачем надо все испортить? Ну, давай я сам их испеку, если тебе так сложно. Ты из всего делаешь проблему.

– Дай мне хоть в этом почувствовать себя творцом, – смахнула Фортуна очередной блин со сковородки в аккуратную стопочку ему подобных.

– А я что – не даю? Неужели это так сложно – сделать приятное и не настаивать на том, что ты его сделал, и чего тебе это стоило. Ладно, иди сюда, я тебя поцелую.

– У меня руки в муке.

– Зачем мне руки для поцелуев?

– Вместо аперитива.

– Теперь я понимаю, почему некоторые не могут друг без друга.

– Почему?

– Им нечем будет питаться.

Фортуна села на мои колени, развернулась всей грудью и закрыла глаза. С балкона ее груди мне отрывался прекрасный вид. Губы едва разомкнулись сгоравшей пламенем розой. Я проглотил цветок.

– У меня блин сгорит, – шепнула она.

– Да и черт с ним, – приготовился я к ее порыву, но она и не думала уходить.

И в ответ проглотила фиалку моего рта. Казалось, что перемешались не только слюни, но и зубы, и языки. Все стало общим.

Запах подгоревшего хлеба приятно ласкал нюх. Румяный диск теста быстро чернел по краям и скукоживался. Было похоже на затмение солнца. Скоро дым начал резать глаза. Но мы продолжали.

– Папа, что-то горит? – Сын выскочил из своей виртуальной норы.

– Мама блины готовит, – крикнул я ему сквозь кумар.

– Аа, я думал – пожар. Позовете, когда будет готово, – удовлетворенный, закрыл он за собой дверь кухни.

– Ты видела, как его надо выкуривать из Интернета? – встал я как по команде вместе с Фортуной.

– Любовью, – принялась Фортуна за сковороду, отскребывая почерневшее тесто.

– Открой окно, – сказала она мне спокойно.

– Хочешь выйти? – начал я открывать его, глядя сквозь стекло во двор. В поле моего зрения забралась муха, она пробежалась по нему и замерла. Глядя туда же, во двор, стала потирать ладошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.